

КОНТРРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

ОХОТА
на охотника

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Охота на охотника / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-214884-2

Апрель 1980 года. В один из дней неожиданно для всех пропадает майор КГБ Вадим Шаламов. В выходной Шаламовы собирались на дачу, после этого их никто не видел. В понедельник ни майор, ни его жена не появились на работе, четырехлетняя дочь не пришла в детский сад. Соседи и знакомые ничего пояснить не могут. Незадолго до этого оперативник участвовал в операции по разоблачению шпиона в сфере радиотехнической разведки. Возможно, это как-то связано с его исчезновением... Шаламов объявлен во все-союзный розыск. Поисками занимается майор Алексей Костров. Ему кажется, что он напал на след пропавшего коллеги. Но череда последовавших за этим событий заставляет Кострова изменить направление поиска...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214884-2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

11 апреля 1980 года, пятница

В книжный магазин на улице Калинина вошли двое. Первый был замечен — крупный, породистый, с жесткими кудрявыми волосами. Он был со вкусом одет. На шее у него был клетчатый шарф — весеннее тепло обманчиво, склонные к простуде люди предпочитали утепляться. Второй был невзрачен, какой-то серый, незаметный, с редкими волосами. Товарищ придержал дверь, пропуская внутрь своего видного спутника, обернулся, прежде чем войти, посмотрел по сторонам. Улица Калинина (когда-то Воздвиженка) являлась частью нового Калининского проспекта, но в этих кварталах сохранила свой первообразный облик. Вдоль дороги выстроились опрятные трехэтажные здания дореволюционной постройки. Машин было мало, прохожие никуда не спешили. Все дышало какой-то старинной патриархальностью. Впрочем, призывы со стен крепить единство всех миролюбив-

вых сил и не позволить сеять вражду между народами возвращали в новейшее время. Убедившись, что на улице все спокойно, «серый» товарищ вошел в здание и прикрыл дверь.

Подобных магазинов в городе насчитывалось сотни. А в «самой читающей стране» — десятки тысяч. Сонная тишина, клюющие носом продавцы, специфические запахи бумаги и типографской краски. «Книга — источник знаний» — встречал посетителей нестареющий слоган. Покупателей в этот час было мало. Книги, пользующиеся спросом, продавали из-под полы, на барахолках или в обмен на двадцать килограммов макулатуры. Часть изданий распределялась по подпискам. Произведения сомнительного содержания распечатывали на машинках, размножали, распространяли среди своих — и все запретное, как и должно, пользовалось спросом. В свободной продаже ничего ликвидного не было. Специализированная литература, мемуары видных деятелей, скучные, насквозь идеологизированные опусы членов Союза писателей. В отделах детской и художественной литературы присутствовало несколько человек. Женщина в очках и платочке перелистывала атлас с красотоми Ленинграда. В отделе научной литературы не было ни души.

Туда и вошли двое. Товарищ с шарфом что-то спросил. Второй лаконично ответил, украдкой глянул на часы. Первый кивнул, отвернулся к стеллажам, взял с полки справочник по квантовой меха-

нике. Спутник бросил пару слов ему в спину, покинул секцию и направился к выходу. Работница магазина удивленно посмотрела вслед: что, уже? Оторвалась от созерцания Медного всадника дама в очках, тоже проводила посетителя взглядом. Он вышел на крыльцо, закурил. Втягивал дым с какой-то нервной спешкой, его глаза воровато блуждали. Усиливалось чувство дискомфорта. Рядом с крыльцом стояла застекленная будка таксофона. Вернее, частично застекленная — кто-то хорошо похулиганил. В будке находился мужчина с тонкой щеточкой усов. Он говорил негромко, по-русски, но в речи чувствовался акцент. Мужчина улыбался, но это была маска — глаза настороженно оглядывали мир за пределами таксофона. Курильщик, поколебавшись, спустился с крыльца, двинулся к телефону. Человек с трубкой у уха выразительно на него посмотрел. Субъект остановился. Он не понимал, что нужно делать. Откуда-то возник молодой человек в кепке и болоньевой куртке, стал шататься вокруг будки, нетерпеливо постукивая по коленке скрученной газеткой. Господин в будке понял намек — завершил беседу и вышел на улицу. Молодой человек презрительно фыркнул, занял освободившееся пространство. Понаехали тут, подрывают самый передовой в мире социалистический строй...

Щеголеватый господин направился к крыльцу магазина, покосившись на невзрачного товарища, застывшего столбом. Тот пробормотал:

— Все в порядке, он там... — И, не оглядываясь, облегченно переводя дыхание, устремился к тротуару.

Персонаж с усами вошел в магазин. У молодого человека в таксофоне в руке возникла рация, он произнес в нее несколько слов, при этом не спускал глаз с удаляющегося субъекта. Вышел из будки, отправился за ним, продолжая постукивать газеткой по ноге. Прохожих на тротуаре было немного. Навстречу шла девушка с забавной дворняжкой на поводке. Собачка семенила рядом с хозяйкой, свесив язык. Тявкнула на объект слежки, когда тот поравнялся. Мужчина испуганно отшатнулся, скрипнув зубами. Девушка рассыпалась в извинениях, зачитала наставление своей питомице. На молодого человека с газеткой собака не тявкала. Тот понятиливо усмехнулся, подмигнул девушке. Гражданка того заслуживала, хотя могла бы быть постарше. Но подобные недостатки, как правило, преходящи... В попутном направлении проследовал троллейбус, начал замедлять перед остановкой движение. Начало дня, давки еще не было — в салоне имелись свободные сидячие места. От остановочного павильона отделилась фигура в черном плаще с поясом, мужчина двинулся навстречу по тротуару. Конспирация уже не имела значения, он уставился колючим взглядом в объект охоты. «Серый» тип все понял, встал как вкопанный, руки у него повисли. Он обернулся, облизнул посиневшие

губы, встретившись взглядом с молодым человеком в шерстяной кепке. Участники слежки не походили друг на друга, но взгляды у них были одинаковые.

— Сурин Николай Витальевич? — вкрадчиво осведомился молодой человек.

Газетка втиснулась в боковой карман, в руке появились красные служебные корочки с золотым тиснением.

— Комитет государственной безопасности, старший лейтенант Зорин. Вы задержаны, просьба сохранять спокойствие и следовать за нами.

— Подождите... — мужчина не собирался сохранять спокойствие. — Почему? На каком основании? Я сотрудник первого отдела важного государственного предприятия, и вы не можете вот так просто...

— Николай Витальевич, прекращайте, — поморщился молодой человек, подходя ближе. — Вы все прекрасно понимаете. Давайте без театральной скоморошьяшки. Следуйте к машине. Вам нужно особое приглашение?

К тротуару подъехали практически новые «Жигули» третьей модели. Вышел еще один сотрудник, приглашающе открыл заднюю дверь. Без шума и плясок, к сожалению, не обошлось. Сурин вырвался, когда его взяли под руку, сделал скачок! Человек в плаще знал свое дело, крепко держал за локоть — и клочок ткани остался в его руке! Какие только возможности не придает отчаяние... Вы-

ражение «пятки засверкали» обрело буквальное значение. Чертыхнувшись, сотрудники Комитета припустили за беглецом. Бывают же такие живчики, а на вид не скажешь...

Троллейбус еще стоял на остановке. Кто-то сел, кто-то остался. Сурин подлетел к открытым дверям. На что надеялся? Убегать от КГБ на троллейбусе — это что-то новенькое. Люди на остановке увлеченно наблюдали за развитием событий. Сурин с разгона запрыгнул в троллейбус, но споткнулся о нижнюю ступень, повалился, растопырив конечности. В этот момент водитель решил закрыть двери. Створки зажали застрявшего на ступенях беднягу. Ноги застучали по бордюру. Закричали пассажиры и граждане на остановке. Сотрудник в плаще схватил предполагаемого преступника за полу куртки — теперь уж точно не вырвется. Водитель туго соображал, начал движение. Крики усилились, кто-то использовал нецензурную лексику. Это могло закончиться очень плохо. Ноги преступника, казалось, жили отдельной жизнью, неприкаянно болтались. Подобные ситуации инструкциями не предусматривались. Сотрудники растерялись, мужчина в кепке произвольно дернулся к стоящим у края тротуара «Жигулям». «Шары протри, дебил!» — орали пассажиры. Водитель наконец сообразил, что дело плохо, резко остановился. Сработали гидроцилиндры, лязгнули двери. Сурин был в шоке, неважно соображал. Его схватили за шиворот, оттащили от троллейбуса.

Задержанный машинально сопротивлялся, его лицо побелело. В эту минуту он казался не совсем вменяемым.

— Гражданин Сурин, вы задержаны, — повторил старший лейтенант Зорин. — Вы понимаете, что происходит?

Он всеми силами старался не засмеяться, судорожно сглатывал. У коллеги чувство юмора отсутствовало. Зачем оно на такой работе? С невозмутимой миной он скрутил преступнику конечность — тот взвизгнул и уже при всем желании не мог вырваться.

— Отпустите... — прохрипел он. — Я ни в чем не виноват, это произвол, я буду жаловаться...

— Бедняга, — посочувствовала молодая гражданка на остановке. — Вдвойне не повезло, не его сегодня день.

— Может, у него, того... справка? — предположил спутник гражданки, молодой парень с мозолистыми трудовыми руками. — Психованный он какой-то. Люся, помнишь, я такой же был, когда полквартала бежали к автобусу, он вроде ждал, а только добежали — он двери закрыл и поехал, сука... Эй, ты чего дерешься? — он вздрогнул, получив от подруги кулаком в бок.

— Все в порядке, граждане, — уверил собравшихся старший лейтенант Зорин. — Органы проводят операцию по задержанию членов преступной группы. Просьба не волноваться и проявить понимание.

— Так мы понимаем, — встрепенулся представитель трудовой молодежи. — Даже одобря... — И снова заткнулся, получив удар кулачком.

Задержанного повели к машине. «Дерганный он какой-то, — размышлял про себя старший лейтенант Зорин. — А еще сотрудник первого отдела, стойкий и неподкупный».

В магазине тоже происходили события — увы, не столь комичные. Преступную группу брали с поличным. Хорошо одетый мужчина со щеточкой усов под носом вошел в отдел научной литературы. Там ничего не изменилось, присутствовал «фактурный» товарищ в замшевой куртке. Знакомиться с квантовой механикой ему наскучило, он снял с полки справочник по радиоэлектронике, листал страницы. Насторожилась дама в очках в соседнем отделе. Она избавилась от громоздкого атласа, открыла иллюстрированную брошюру и наслаждалась анатомическими подробностями Аполлона, изваянного придворным скульптором Александра Македонского и выставленного в Октагональном дворе музея Пио-Клементино в Ватикане. Господин с усами поздоровался с посетителем отдела. Тот кивнул, смерил человека настороженным взглядом. Первый, продолжая говорить, извлек из кармана конверт и передал в руки визави. Тот сунул конверт во внутренний карман расстегнутой куртки.

Началась работа. Книжный магазин наполнился шумом, в нем задвигались люди. Дама в оч-

ках вышла из отдела, посвященного искусству, за-
спешила к месту событий. В отдел научной литера-
туры вошли еще несколько человек.

— Шпаковский Арсений Иннокентьевич? —
сухо осведомился подтянутый мужчина со светло-
русыми волосами. — Майор Шаламов, Восьмое
главное управление КГБ. Вы задержаны, гражда-
нин Шпаковский. Прошу достать то, что вы сейчас
убрали в карман. И давайте без резких движений,
таковые вам уже не помогут.

— Позвольте, в чем дело? Я не понимаю... —
Шпаковский побледнел. — Это какое-то недора-
зумение...

— Увы, нет, — сухо отозвался майор Шала-
мов. — И вы прекрасно об этом знаете, Арсений
Иннокентьевич. Не заставляйте повторять.

Второй присутствующий практически не из-
менился в лице. У него была отменная выдержка.
Только усики задрожали и глазки воровато забе-
гали. Он отступил — эдак вкрадчиво, перевалив-
шись с носка на пятку, словно он тут вообще ни
при чем.

— Господин Уоррен Хопсон? — заступил до-
рогу мужчина со скуластым лицом и светло-серыми
глазами. — Не спешите, вам тоже придется пройти
с нами. Майор Костров, Второе главное управление
КГБ СССР. Предлагаю обойтись без негодования
и традиционных антисоветских выкриков. Вы же
разумный человек, все понимаете. Не первый год,
как говорится, в профессии.

На ухоженном лице американского дипломата напряглись мускулы. Переживать ему, в сущности, было незачем. Тяжких преступлений на территории СССР не совершал, никого не убил. Снимут показания (если будет что снимать) и препроводят в родное посольство. Депортация последует непременно — неприятно, но случается. Запираться и оказывать сопротивление Хопсон не стал, предпочел хранить молчание. Сотрудники, одетые в безликие плащи, вывели иностранца из отдела. Костров перехватил выразительный взгляд «училки» в очках — впрочем, уже без очков. Капитану Рогачевой снова не удалось проявить служебное рвение. Проводилась совместная операция Второго и Восьмого главных управлений. Группой от «восьмерки» руководил Вадим Шаламов, контрразведчиками — майор Алексей Костров. Могли бы и не лезть в самую гущу оперативных мероприятий, не барское это дело. Но кто запретит, когда обезвреживается целая банда опасных преступников!

— Поторопитесь, Арсений Иннокентьевич, — настаивал Шаламов. — Что вы как неживой? Не заставляйте обшаривать ваши карманы.

Шпаковский запустил трясущуюся руку во внутренний карман куртки, извлек конверт.

— Я не знаю, что это такое, — сообщил он внезапно охрипшим голосом. — Товарищ, которого только что увели, настоял на том, чтобы я это взял, что это якобы для моей жены и она в курсе...

«Лошадь в овраге его товарищи доедают», — подумал Костров. Шаламов аккуратно взял конверт, приоткрыл, присвистнул — изменила чекистская выдержка. Вытянула шею любопытная Рогачева. В конверте лежали новенькие сторублевые купюры с видами Кремля на аверсе и Владимиром Ильичом Лениным на реверсе (или наоборот). Купюр было много, штук сорок или даже больше. Для обычного советского человека — несметные богатства. Два года надо убиваться на заводе, чтобы заработать такие деньги.

— Ох, мне б так жить... — восхищенно прошептала Рогачева.

Пришлось оттеснить ее подальше, чтобы не позорила ведомство.

— Что это, Арсений Иннокентьевич? — вкрадчиво спросил Шаламов. — Ваша зарплата за март месяц? Не многовато?

— Это не мое, не понимаю... — с усилием выдал Шпаковский. С человеком что-то происходило. Мужчина был немолодой, к тому же сильно переживал. Сведенные скулы покрылись серым налетом. Помутнели глаза. Он внезапно взялся за грудь, глубоко вздохнул. Появилась одышка — он не мог продохнуть. Глаза забегали, в них отразилось чувство безысходности.

— Не надо симулировать, гражданин Шпаковский, такие шуточки не проходят, — строго, но как-то неуверенно сказал Шаламов.